

ТАТЬЯНА СВИЧКАРЬ

Мухтарбек Кантемиров

Татьяна Свичкарь Мухтарбек Кантемиров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349811

ISBN 9785449664495

Аннотация

Это первая книга о легенде цирка, киноартисте, знакомом зрителям по фильмам «Не бойся, я с тобой», «В двух шагах от „Рая“», «Сказание о храбром Хочбаре» и многим другим, художественном руководителе первого в мире конного театра «Каскадер», почетном члене мексиканского клуба наездников «Чаррос Педригаль», знаменитом метателе ножей – Мухтарбеке Кантемирове.

Содержание

Часть первая	8
Встреча	9
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Мухтарбек Кантемиров

Татьяна Свичкарь

© Татьяна Свичкарь, 2019

ISBN 978-5-4496-6449-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пока встречаются в мире такие источники доброй энергии и красоты, как Мухтарбек Кантемиров, можно верить, что мир этот выстоит, выправится, обретет утраченную гармонию

В. Сорокин «Из рода джигитов»

* * *

Довольно долго он работал в группе брата Ирбека, на нём были самые ответственные трюки, потом ушел в кино и, кроме блестящей каскадерской работы, принесшей ему славу среди коллег-профессионалов, показал великолепную актёрскую, снявшись в заглавной роли картины «Не бойся, я с тобой»... Но всё это были только подступы: к самому себе.

Каких только мук не натерпелся он со своею заветной целью – конным театром! На «бис» приняли постановку экзотического «Золотого руна», в которой Миша попеременно изображал нескольких героев сразу... Но пришла пора мудрой зрелости... как он над своею «Русью» трудился!

По сути, то была непростая наша история, проходившая не только у зрителей на глазах, заодно – пред очами святого Георгия Победоносца, образ которого воплощал столько лет мечтавший об этой работе Миша.

Не только богатырь и красавец – благороднейший человек и умница, которого сама природа, казалось, создала для столь высокой и ответственной роли...

С неизменным копьём в руке, как смотрелся он, в серебряном шлеме и алом плаще поверх сверкающих доспехов, на своем верном Эдуарде – мощном сером жеребце в яблоках!

Г. Немченко

* * *

Лучше давай вспомним на пару, как говорят ромы, Грэнгиро Дэва, Лошадиного Бога. Не забыл, как его зовут? Правильно – дядя Миша Кантемиров. Просто бог. Которого послушаться ни один, самый оторванный конь, не смеет. Он может как угодно: в седле, без седла, вовсе по-эльфийски... Величайший в мире постановщик конных трюков, у которого ни в одной постановке не погибла ни одна лошадь.

За ним кони идут безо всякого вервья – просто потому, что сразу верят ему, и безгранично. Бог не может привести в плохое место. Грэнгиро Дэв не может обидеть.

Из переписки во Всемирной паутине

* * *

Мне удивительно, что его кто-то не знает

Н. Догадина, ученица

Часть первая

Встреча

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.

П. Васильев

1

Июнь пришел теплый, но пасмурный и ветреный. Почти каждый день шли дожди. Город стоял – погруженный в водопад зелени. Необыкновенно высока была трава. Ей навстречу спускались ветви деревьев, отягощенные листвою. И все это колыхалось, пахло пионами и дождем.

И все это было – юность, как и белое шелковое платье в розовых цветах, как и начавшиеся экзамены, которые волновали уже не сами по себе, а – преддверием дальнего пути.

За душою пока всего – сказка детства, потихоньку забывающаяся, да несколько книг и фильмов, ставших родными.

С книгами было трудно. Библиотека дедушки и бабушки, собранная ночными стояниями в очередях, и отрывом от семьи денег – «Я шесть лет ходила без зимнего пальто» – повторяла бабушка, – библиотека эта состояла в основном из классики. Но классики, которую признавал советский строй, которая – по большей части – входила в обязательные школьные программы.

Наша же литераторша Анна Николаевна, в преддверии пенсии окончательно разлюбившая детей и свой предмет, не умела показать очарование романа или повести в целом, но, препарирруя, но, вычленяя отдельные отрывки, требуя их долгого «разбора», превращала уроки в подобие душевного изнасилования.

Те, кто не утратил все же любовь к чтению, разживались книгами как могли. Ряд авторов, благодаря Аннушке и «социалистическому реализму» – не воспринимался.

Юности хотелось иного корма для души.

«Консуэло» мне на два дня дала мамина знакомая, «Голова профессора Доуэля» пришла в руки в читальном зале, «Черный тюльпан» был куплен втридорога в одном из первых коммерческих книжных отделов.

С фильмами было еще хуже. Приходилось полагаться исключительно на милость телевидения и кинопроката. Что покажут...

Но расставаться с героями, которые уйдут вместе с погасшим экраном и неизвестно когда вернуться...

Я пробовала найти выход. Ходила на один и тот же фильм и пять, и шесть раз – пока не запомню наизусть. А дома брала тетрадь, и записывала кино – как книгу, чтобы читать и перечитывать.

Сейчас это в практике, в книги ложатся даже сериалы, а тогда – помню стопку клеенчатых коричневых и черных тетрадей, мою «библиотеку». Легко переносились на бу-

магу «Горбун», «Капитан», «Тайны бургундского двора», «Неуловимые мстители», «Не бойся, я с тобой».

Пройдет время, и большинство произведений, которые раньше вызывали восторг, покажутся слишком наивными.

Каждое такое разочарование в чем-то обеднит детство.

Но останется несколько героев, которые незримо будут рядом – всю жизнь. Их вспомнишь в трудные минуты. А быть может они – и определяют судьбу? Кто-то – под их влиянием – увлечется, найдет свое дело.

«Не бойся» в те годы стало для мальчишек экранизированным пособием по боевым искусствам, метанию ножа.

Девочек привлек романтический сюжет, и образ главного героя. Симпатии в большинстве отдавались не сладкоголосому Теймуру, коему бедность мешает жениться на любимой девушке. Но его другу, который – и в этом перипетии сюжета – помогает певцу невесту обрести. Человеку, не только физически совершенному, но главное – доброму и в каждом поступке – благородному. «Помните Рустама из фильма «Не бойся, я с тобой? – напишет одна из таких выросших девочек, – если бы все были такими как он, мир был бы просто прекрасен и великолепен»

Позже известно станет, что роль была написана специально на Мухтарбека Кантемирова.

А в том далеком, ветреном июне – я сижу в нашем старом саду, и пишу первые рассказы.

Еще не зная, как примут их, я верю, что в мире есть че-

ловек, который все понимает. И можно ступать на этот путь, тяжелый и волшебный – и идти по нему.

2

С той поры прошло больше двадцати лет. Только раз за это время удалось косвенно – пересечься с Кантемировыми. В середине восьмидесятых их труппа выступала в Куйбышеве.

Мухтарбек тогда уже ушел из цирка, но на афише значилось «Джигиты Кантемировы».

Думалось, что и он непременно среди них.

Помню ледяной зимний вечер. Воздух был прозрачен и будто плотен от мороза. Дыхание перехватывало, и уже не любоваться мерцающей огнями площадью – те, у кого были билеты, торопились войти в фойе цирка.

Холодно было и там. Клоуны в костюмах с короткими рукавами мужественно не торопились – фотографировались с публикой, сажали на колени детей.

В киоске продавали вырезанные из дерева, раскрашенные черно-белой краской фигурки, изображающие Олега Попова.

В зале, прямо передо мной – на ряд ниже – села женщина, которая десятью минутами позже, когда начнется очередной номер, вздохнула – и встала. Луч света лег на нее – и она спустилась на арену, к своим собакам.

Джигиты выступали последними. Манеж сразу показался тесным: кони, мужчины в черных бурках и белых папахах,

плывущее над одним из всадников алое знамя.

Но если другие номера производили впечатление руко-творности, работы на публику, то все, что делали конники – казалось естественным и даже необходимым. Сколько раз видно в кино – свесившись с лошади, будто убит – спасает-ся в бою всадник. А так он стреляет, так – уходит от погони.

То, о чем прежде рассказывали фильмы, теперь давала жизнь, подтверждая, что есть – герои.

3

Но встретиться с ними лицом к лицу?

Хлопотливый редакционный день был заполнен мелкими неурядицами. Последней каплей стало неосторожное движе-ние кого-то из коллег – и я уже вытираю клавиатуру компью-тера, залитую кофе.

И как раз в эти минуты в электронный почтовый ящик приходит пресс-релиз.

Рядом с нами, в двадцати минутах езды, в поселке По-волжский будет проходить фестиваль, и почетным гостем на него приглашен – Мухтарбек Кантемиров.

4

Мы с дочкой бродим по фестивальной поляне. Здесь на левом берегу Волги песок и сосны. У сосен особый запах – хвои, смолы, нагретой солнцем коры. Народу на поляне уже полно, но закрой глаза и кажется, что никого больше нет. Ты и природа.

Тесно стоят палатки: ребята – организаторы и гости – при-

ехали сюда с ночевкой. Тянет дымом от полевой кухни: варят гречневую кашу с тушенкой. Юноши поворачивают над угольями шашлыки, и на запах жареного мяса тянется разом оголодавшая публика... Поодаль продают сувениры – толчется народ и там.

В такой толпе – увидим ли? Узнаем? «Войдем ли дважды в ту же реку», повторится ли впечатление детства – от фильма?

То и дело пробегают, торопятся девочки – в сарафанах, в венках. Им выступать сегодня. Фестиваль называется «От славянских истоков к русской культуре».

Поэтому почти тут же, нос к носу мы встречаемся с Володей Владимировым.

Когда-то мы вместе учились в университете, на истфаке, и по окончании Володя, как все мы, пошел учителем в школу.

Но потом голову ему закружила Индия, он увидел сон о близком конце и уехал, чтобы умереть не просто так, а восточным монахом. Восхитился Саи-Бабой – «в этом человеке столько любви!». Снова ощутил вкус к жизни, вернулся – и взялся за русские истоки. Играет на гусях – единственный гусяр в области – и приглашен на фестиваль, так как на редкость вписывается в программу.

– Танечка! Можно тебя обнять?

Но мы с Аськой приехали сюда за одним:

– Володя, ты не слышал – почетные гости будут? Ничего

не срывается?

– Не знаю? А зачем нам почетные гости – и без них хорошо. Ты посмотри...

Смотрю. В центре поляны, где наскоро выстроена деревянная ограда, изображающая древнерусскую крепость – прямо у ворот этой ограды стоит машина. Никому бы прямо сюда подъехать не разрешили, кроме... неужели?

Можно ли – среди ответственных лиц – узнать человека, стоящего к нам спиной?

Первое движение, поворот головы, и сомневаться невозможно уже... Неповторимое благородство черт, порода, кровь – за послереволюционные годы почти исчезнувшая, ныне – и за всю жизнь можно не встретить...

И та грация движений, которую природа изначально дала человеку, как своему творению – хищная грация – возведенная в одухотворенную пластику.

Чиновники не отпускают его от себя – разговоры, смех, но это не может быть долго, потому что фестиваль вот-вот откроется. Уже подбегают к Мухтарбеку Алибековичу те, кто знаком с ним по предыдущей встрече. Доверчиво, не сомневаясь, что их встретят – с радостью. И его – столь же радостная – готовность к общению. Он легко приобнимает за плечи одного, другого... Улыбка не сходит с лица. И эта детская улыбка отражением ложится на поднятые к нему лица.

– Знаешь, кто это? Помнишь, фильм «Не бойся, я с то-

бой»? – мечтательно шепчет стоящий рядом парень – своему спутнику, мальчишке лет десяти, – Конечно не помнишь (уже снисходительно) Мал еще... Подрастешь – посмотришь.

Как всегда в таких случаях, не отрегулированной оказывается аппаратура. И когда чиновники обращаются к народу с обязательными речами – о значении мероприятия, и о поддержке его другими чиновниками (кукушка хвалит петуха), их голоса звучат пронзительно громко.

Представлять каждого выходит девчушка в национальной одежде. И Кантемиров сразу замечает, что непривычен ей длинный сарафан, с которым надо совладать на ступеньках, ведущих на сцену. Не запнуться. И он каждый раз подает ей руку: взойти, спуститься...

Наконец объявляют (чуть с заминкой, непривычный титул – после на «автопилоте» выговариваемых депутатов и заместителей) – Председателя гильдии каскадеров.

И его глуховатый голос, самое короткое выступление:

– Я представляю здесь каскадеров Москвы. Собственно – всей России... И делаю это с радостью... Это хороший праздник... Он пройдет, а в следующий раз мы приедем и привезем – у нас есть – двадцать достойных лошадей. И покажем вам большое представление. А сейчас – с Богом!

Он в протяжении дня еще не раз повторит это – «С Богом!».

Дома потом спросят: «Ну, как? Столько лет прошло –

не разочаровалась?»

Это трудно объяснить.

Нет, чувство к разочарованию – обратное.

Человек стал к небу ближе. И еще больше за него болит сердце. Холодно, ветер, а он – в легком костюме... Поднялся на сцену – и чуть задохнувшийся голос. Не болеет ли?

Трепетное, щемящее чувство.

Он спускается, слегка прихрамывая, и начинают подходить те, кто только сейчас его увидел. С маленькими коричнево-пестрыми программками, за автографами.

Он достает ручку, и – нет бы, повернуть девчонку спиной, приложить бумажку, поставить закорючку, чтобы как можно большее число поклонников подписями удовлетворить. Он идет с программками к краю сцены, устраивает их на досках, как на столе и пишет. Пишет каждому.

Уважение к обратившемуся человеку. Желание и это дело – памятную подпись – сделать как можно лучше.

К нему идут девочки с фотоаппаратами – можно ли сняться вместе? И поочередно он становится с каждой, приобретает – подружка щелкает. Будет храниться дома снимок, и глядящим его – поверится в дружбу изображенных на кадере...

Подходит к нему и совершенно пьяный парень – с красным лицом, и глазами – какими-то особенно прозрачными. Видно, что соображает он уже немного. Заплетающимся языком он хвалит «Не бойся», говорит, что с детства в вос-

торге от этого фильма.

Мухтарбек и ему отвечает ласково, треплет по плечу.

Перед сценою огорожена площадка, где сидят приглашенные, которым быть сегодня – судьями действия. Кантемиров не сразу проходит туда. На протяжении несколько номеров концерта он стоит у ограждения, и готов быть здесь и дальше, но одна из девушек приносит стул и ведет его к судьям. Усаживает.

На сцене пританцовывает с ложками и гармошками – фольклорный ансамбль.

Увлеченный ритмом, на судейскую площадку выбегает мальчишечка лет двух. Музыка зовет в танец. Там – толпа, а тут – трава и простор. Малыш закидывает голову, раскидывает ручки, он кружится, он – летит.

Эту прелесть ребенка, счастье его, вскинувшего глаза к небу, заметил сразу – если б был тут – наш фотокорр Андрей. И присел бы рядом с аппаратом.

Никто кроме не обращает внимания – ну, подумаешь, выбежало дитя... Но Кантемиров видит. И его улыбка уже не ложится в слова – любующаяся, сияющая неповторимой добротой.

Он видит и отмечает все.

Ясное, незамутненное восприятие мира, цепкий взгляд...

Взгляд, который меж тем – и это удивляло прежде на фотографиях – может мгновенно становиться отрешенным. Человек ушел в себя.

Дух творчества и вдохновение не покидают его ни на миг, живут с ним, в нем...

Концерт идет с перерывами. В стороне расположено ристалище. Там можно метать ножи – и даже состязаться в этом.

А за сценой – совсем небольшая площадка, одна мишень. И свои силы тут пробуют наши vip-персоны. Мальчишеский ли азарт, роскошь ли поупражняться в этом искусстве, когда рядом стоит такой Мастер?

– Спокойно... спокойно... Абсолютно идентично броску камня, – говорит Мухтарбек, – Ничего, ничего... Не смущайтесь. Потихоньку пойдет. Как будто камень бросили – и все...

Нож отлетает и бесследно исчезает в траве.

– Миноискатель нужен, товарищи! – звучит глуховатый голос, – Ребятки, (детям, что поблизости), когда метают ножи – отойдите, чтобы вас не задело. А вы – спокойнее. Помните – камень... Молодец! Последний бросок – очень хороший... вот, браво!

Оберечь и ободрить каждого.

Звон падающих ножей.

Ветер.

– Ножи сдувает, – жалуется кто-то, – Неудобно перед Кантемировым.

– Ну, хорошо, давайте я еще раз покажу, – Мухтарбек стоит на невидимой черте. При всей доброте голоса – грозная

пластика война, от которого нет обороны. Двигается только рука. Бросок-бросок-бросок. Привычную молниеносность он старается сделать для других – уловимой.

И только потом все переводят взгляд на мишень. Те ножи, которые в других руках летели куда угодно – вверх, вниз, вбок, плашмя и рикошетом – сейчас сошлись в одном месте. Стальной букет.

В этот раз не пробовали такого, но что чувствует человек – стоящий у щита живой мишенью? Из воспоминаний актера Льва Дурова, найденных в Интернете: «Я держал в зубах огурец, а он рубил его на салат. Стоял у щита, а он метал ножи, и они входили в дерево вокруг моей головы. А мне было спокойно»

С тем же спокойствием стояла, верно, Лариса из «Бесприданницы», когда Паратов стрелял в часы, что она держала в руке: «Да разве можно ему не верить?»

– Не надо пробовать совладать с ножом – силой. Он должен лететь – спокойно, свободно. Как женщину, элегантно, нужно держать его. Но – крепко. Помните...

И не оторвались бы от завораживающего действия те, кто окружил Мастера, но зовут уже смотреть концерт, и судить – батальные сцены.

«Випы» и гости занимают места на площадке.

Интересны ли Кантемирову народные песни под скверное звучание аппаратуры, когда верхние ноты обязательно становятся визгливыми?

Но он не только гость, чтящий традиции, правила поведения: в данном случае – вежливо слушать хозяев. Он артист – к любому творчеству – относящийся неизменно, со всем доступным ему уважением. Сцепленные у подбородка пальцы, улыбка...

Отдать, что только можно... Все свое внимание, оценку – всегда благожелательную, передать мастерство, одним присутствием своим пробудить у других – вдохновение.

А что можем мы?

Только стараться – беречь. Как один из друзей в 41-м году о Марине Цветаевой: «Этот дорогой инструмент пострадал от всех дорог...»

Стараться оберечь его путь.

Помоги нам, Бог, в этом

5

Увидев на фестивале, сколько людей добивается внимания Кантемирова – я так и не решилась подойти, чтобы познакомиться и поклониться за радость, подаренную в детстве.

Тем более, что это была не просто недолгая радость от хорошего фильма.

У каждого пишущего человека есть то, что помогает ему в трудную минуту, когда нет вдохновения, и работа не идет. Для одного – это стопка чистой бумаги, для другого – любимая книга.

Мне, да, наверное, не мне одной – желание писать дает

любая информация, любое упоминание о Мухтарбеке Кантемирове. Образы, созданные им в кино, послужили прототипами героев моих первых рассказов.

Но в городской библиотеке о Кантемирове нет почти ничего – несколько строк в книгах о цирке. Немного удастся найти и в Интернете. Те, кто начнут «листать» сайты, узнают, что Мухтарбек создал первый в мире конный театр «Каскадер», что он непревзойденный мастер в работе по коже, что мальчишки со всей страны приезжают посмотреть, как он метает ножи.

Но голос самого Мухтарбека в этих публикациях почти не звучит – отдельные короткие ответы журналистам.

И все же долгие поиски вознаграждены: на одном из осетинских форумов, когда речь пойдет о Кантемировых, девушка напишет «Я пресс-секретарь дяди Миши».

Можно ли пройти мимо того, что дает судьба?

На мое письмо Марина Мерникова откликается сразу. Да, она передаст дяде Мише статью о тольяттинском фестивале. Нет, он вовсе не высокомерен и терпеть не может, когда из него «делают икону». Такой же человек, как все, только «которого очень многие любят»

А через несколько дней Марина напишет: «Будете в Москве, приезжайте к нашим в Новогорск. Никто не против, все будут только рады»

6

Уже в поезде я ругаю себя последними словами. Замысла

книги о Кантемирове еще нет, вернее нет уверенности, что хватит таланта и сил на большую эту работу.

Но хоть что-то ведь расскажу о нем!

«Если удар готовишь одиннадцать лет, то не промахнешься» – скажет Волкодав, герой фильма, в котором играл и Мухтарбек Кантемиров.

Если четверть века мечтала написать о человеке – не будет же встреча с ним совсем напрасной?

И вот я тащу сумку по новогорской аллее. Именно тащу, потому что ноги не очень-то идут. И руки что-то плохо слушаются. И голоса нет.

Все происходит, как в статье, написанной мальчишками, перед тем побывавшими в Новогорске.

...«Пройдя еще метров двести, мы вышли на дорожку, ведущую к длинному ангару. Около входа в здание расхаживал высокий мужчина, а рядом вились несколько собак. Заметив нас, он приподнял вверх руки и радостно крикнул:

– Ну наконец-то добрались!

По-отечески обняв нас, Мухтарбек Алибекович пригласил нас в дом.»...

Видимо в традиции хозяина – встречать гостей. Прохаживается у входа в низкий желтый дом добротной постройки – седой человек в светлом костюме. Время от времени силуэт его скрывают березы, на которых зелень листвы уже сменяется золотом – преддверие осени.

Наклоняется то к одной собаке, то к другой. Собаки черные, большие, пробежка их тяжела.

Ну, Господи, благослови – подхожу и я.

– Здравствуйте, Мухтарбек Алибекович!

Следующие четыре дня полны – переполнены! – такими яркими – до болезненности впечатлениями, что еще долго по возвращении я буду мысленно жить в Новогорске. Вспоминая множество моментов, понимая, что они не должны уйти в небытие.

7

Небольшая табличка, отливающая золотом, у входа в дом – «Конный театр «Каскадер». Этот дом – весь, с конюшнями, что по другую сторону, и есть сейчас – театр.

Директор Анатолий Клименко, художественный руководитель Мухтарбек Кантемиров, Наташа Догадина – его ученица и правая рука, и несколько человек: артисты и конюхи...

Остальные – о которых Марина Мерникова написала чудесные «Байки» – работают пока в других местах. У всех семьи, регулярная хорошая зарплата – насущна.

Но они ждут, что «Каскадер» вновь наберет силу, и вернуться сюда.

Долгие годы театр не может обрести постоянного места. Чтобы и сегодня, и завтра, и через год – на одном манеже. Чтобы не сомневаться: подготовленный спектакль, которому отдано столько сил – придет к зрителю. Чтобы зрители всей

Москвы знали – где «Каскадер», и ехали туда, как на праздник.

Отец Мухтарбека – легенда цирка, Алибек Кантемиров, заложивший основу цирковых конных номеров, и конных трюков в кино, не завещал сыновьям прямо – создать подобный театр.

Но мечтал: все на что способны лошади, все богатство артистической работы – можно раскрыть только так. Театр – ярчайшее впечатление для зрителя, превыше цирка!

И Мухтарбек – годы, когда достиг наивысшего мастерства – отдал созданию театра, постановке спектаклей, не имеющих аналогов в мировой культуре.

Воплотить папину мечту!

«Каскадер» триумфально принимали не только в России – в Европе! Но 90-е годы, когда все менялось в нашей стране, и менялось на этом этапе – к худшему, держали театр – на грани выживания.

Где зимовать лошадям? Что заплатить артистам? На какие деньги покупать костюмы и реквизит для спектаклей? Чиновники от театра открещивались – не наше ведомство!

И у артистов, чье дело – творчество, стало делом – добывание хлеба насущного.

Только в последние годы, когда театр переехал на территорию учебно-тренировочного центра МЧС, к спасателям – благодаря стараниям Анатолия Клименко – появились деньги на стройку, проснулась надежда.

Уже отведен участок, подписаны бумаги, вот-вот заложат котлован.

Будет крытый манеж, и можно пригласить артистов, ставить спектакли – у Мухтарбека столько задумок! – дал бы Бог время и силы хоть часть из них воплотить. Будет манеж – и воскреснет «Каскадер».

Для Мухтарбека это дело чести – имя Кантемировых должно отождествляться с первым конным театром, как отождествляется оно с джигитовкой, с самой сущностью ее.

Но не от него сейчас зависят сроки – от спонсоров и чиновников, от бумаг, строительной техники и рабочих рук. Ему – дожидаться! Он ждет почти двадцать лет.

«Манеж-призрак», «мечта о манеже» – общая мечта витает в воздухе и вот-вот должна превратиться в реальность!

А пока...

Заходишь в дом, где сейчас театр: в коридоре полутьма, прохладно. На стенах развешаны

тяжелые щиты, здесь же реликвия – пожелтевшая первая афиша «Легенда о Золотом Руне и вечной любви». Тесно, в ряд – снимки: артисты, сцены из спектаклей, фильмов...

Мухтарбек живет здесь почти постоянно, лишь изредка уезжая в Москву, чтобы навестить семью.

Дверь в его комнату остается открытой.

«У нас дверей не запирают»...

Хотя в этой комнате человека можно закрыть – и ему никогда не будет скучно. Можно переходить от фотографии

к фотографии, благоговейно касаться ножей, мечей... разглядывать корешки книг.

«Мише на память о нашей дружбе» – портрет Юрия Никулина просто прикреплен к одной из полок. Без рамы, без стекла. Здесь все живое.

Любимая собака – черная Асанна, Асенька без раздумий забирается на кровать, крытую шерстяным клетчатым пледом. И дремлет, готовая ждать хозяина столько, сколько нужно.

Отгорожен кухонный закуток. Здесь пахнет нездешними приправами. И тут волшебно готовить. Резать хлеб на столе, к которому прислонены – мечи. И не знаешь, для кого варишь. Может быть, в двери войдут – семь богатырей?

8

Вот Мухтарбек идет в спортзал, он же – мастерская. Он – замечательный шорник, мастер, который делает все: седла и уздечки, стеки и волчатки, кнуты, которые век служить будут, и оклады икон, кожаные, но с таким тонким, почти ювелирным тиснением, «чеканкой» – как здесь говорят, что ахнешь и не сразу посмеешь взять в руки драгоценную работу художника.

В глубине спортзала, над столом горит маленькая лампочка. Мухтарбек включает приемник, чтобы тихо играла музыка, берет заготовку, одевает очки...

Мягкий свет лампы, короткие частые удары молотка. Светлые глаза Христа с Туринской плащаницы – картина над

головой.

Заглядывает на минуту друг:

– Подать инструмент? Зачем сам встаешь?

– Да я еще не знаю, что хочу сделать.

– При-и-думаешь.

Проходится губкой. Снова точные удары маленького молотка. Тянется узор. Будет у Казанской кожаный оклад кантемировской работы.

С усилием руки идет нож – и изящнейшее окошечко для иконы прорезано.

Кладет, то, что стало из пластинки, из формы – произведением искусства – сохнуть.

В этот мой приезд нам удастся говорить немного и как раз тогда, когда Кантемиров работает. Он рассказывает о детстве и о войне, о суровой школе цирка и лошадях – обо всем очень доверительно и просто. Далекie годы и день сегодняшней удивительно переплетаются в одно целое, имя которому – Мухтарбек.

У него мало свободных минут для разговора – зовут выступать, посетить то или иное мероприятие, постоянно приезжают гости – и всех надо принять, вложив в это душу – тепло, по-семейному.

И надо ездить лечиться, потому что после всех травм, что были в жизни, нет уже места, которое бы не болело... Он бы и терпел, да не могут терпеть друзья, и покупают ему дорогие процедуры, которые может быть – принесут облегчение?

И почти всегда – сидим ли мы в комнате или в спортзале, он рассказывает, а я пишу – мы слышим звон падающих ножей. Приехали мальчишки, или уже кто-то поопытней. Стоят у стенда, метают. Может, Мухтарбек подойдет, даст совет? У кого можно научиться лучше! Так перенять хоть малую частичку мастерства...

Но еще ценнее сохранить то, что рассказывает Кантемиров – весь путь их семьи. Путь триумфальный в середине века, и годы забвения, и через все это – «огонь, воду и медные трубы» – его спокойную, полную достоинства поступь, его несклоненную голову: во имя памяти отца, во имя сбережения великого дела.

Показать, чего стоит союз человека и лошади! Что может конь – от спасения жизни всадника до создания одухотворенных театральных сцен, от лиризма которых перехватывает горло...

Мы договариваемся о новой встрече.

В ноябре! Он обещает рассказывать дальше...

И уже ноябрь, собрана дорожная сумка, главное в ней – диктофон с кассетами. Но за несколько дней до отъезда – звонок Кости Ежкова, руководителя студии «Коловрат»:

– В Новогорске несчастье. На Мухтарбека рухнул конь. Жив, жив... Травма тяжелая... Нет, не в больнице. Там, у себя лежит...

Более подробно удастся узнать вечером, у Наташи Дога-

диной. Она рассказывает, как готовились они к ноябрьскому параду, где Кантемиров должен был изображать Георгия Победоносца.

И – конь оступился и рухнул с возвышения – вместе с Георгием и прямо на него.

– Хуже бывало, – говорит Наташа сдержанно, «охов» и «ахов» она не любит, – Отлежится дед. Ты подожди недельку-другую.

Но в голосе самого Мухтарбека – боль явная.

– Танечка, сломано ребро. И Асуан – головой меня ударил... Прокатился по мне... Если бы не шлем с иконой... Шлем спас.

Мы откладываем встречу до весны.

Однако работа уже не отпускает душу, и, не смотря на вынужденную паузу, я стараюсь собирать новый материал. Выписываю книги и фильмы, связанные с династией Кантемировых, блуждаю в Интернете, пытаюсь списаться с людьми, знающими Мухтарбека.

И все крепнет наша дружба с Мариной Мерниковой.

9

Марина становится – я не скажу – моей правой рукой: в дальнейшем мы идем плечом к плечу. Она также загорается идеей рассказать о Кантемирове и театре.

Нет письма, на которое она бы не ответила, и просьбы, которую бы не исполнила! Марина записывает рассказы артистов, и пишет сама – «Байки конного театра «Каскадер».

Трудно подобрать лучшее чтение, чтобы представить себе внутреннюю жизнь театра. Прочти их – и артисты становятся родными уже людьми, и без заминки узнаешь каждого из них в записях выступлений.

Этот богатырь со светлыми волосами, разбросанными по плечам, Костя Никитенко – он собирал камни, которые теперь разбивают молотом у него на спине – на бордюрах новогорских аллей.

А та девушка с флагом, венчающая пирамиду несущихся на лошадях всадников – Надя Хлебникова, которая боится крыс, и при виде их готова залезть на потолок и притвориться липучкой от мух...

Не патетика, но живая театральная жизнь.

С Мариной мы знакомы заочно – почти год, но в этот приезд впервые должны увидеться.

Она будет встречать меня на «Планерной», и мы поедem в Новогорск вместе.

Ночь в поезде позади. За толстым, пыльным стеклом вагона медленно проплывает перрон.

Конев бор. Местечко, от которого до Москвы – часа полтора.

В Коневом бору: бор – есть, коней – нет, но само название – как преддверие того, где скоро быть: у Мухтарбека Кантемирова, среди друзей и лошадей.

И вот уже залитый утренним солнцем перрон Казанского

вокзала. Каждый раз я вижу только «подземную» Москву. Прямо у перрона – вход в метро, гулкая бесконечность эскалатора, шум поездов внизу, льющаяся река людей на подземных переходах. Сколько там еще станций по карте?

А, вот уже «Сходненская», которая – навсегда – песней студенческих лет...

«Далеко до Сходни

Не поспеть сегодня...»

И, наконец – «Планерная»...

Медленно всплываю на эскалаторе – где Марина? Может – та молоденькая девушка? Нет – равнодушно скользнула взглядом по моей «условленной» голубой куртке. А может та, у стеклянной двери?

Оглядываюсь: на маленькой площади – нету. Опускаю сумку у остановки, откуда уходят маршрутки в Новогорск. Обидно, вон белая «434» -ая отъезжает.

И почти сразу:

– Таня?

Высокая, тоненькая, грациозная девочка. Черноволосая, улыбчивая...

– Мы встречаем тебя на машине. Пойдем – там Вовка.

Вовка – брат. Фотограф сейчас, он несколько лет был каскадером в театре.

Мальчишка тогда – он и увлекался опасностью по-мальчишечьи. Хотя во многих, почти во всех каскадерах остается что-то детское. Кто – разумный и взрослый – сунет голову

к черту в пекло?

Марина писала, как он впервые участвовал в спектакле.

«Не знаю, что он чувствовал при этом, но, думаю, волновался ужасно. Вначале он выезжал в «гусарском» блоке на большом вороном раздолбае Грассе. Грасс тоже волновался и не очень хотел туда, где пиротехники нарочно для него приготовили много приятных сюрпризов. После удачной битвы наших с ненашими (французами, очевидно), Вовка «заваливал» Грасса вместе с еще тремя всадниками, и тут они внезапно появлялись из засады верхом. Грасс поклади-сто завалился – и это была Вовкина маленькая победа.

Дальше проходил наш любимый «красноармейский» блок, в котором кони Лурик и Осман вывозили на поле легендарную театральную тачанку с пулеметом. Накануне ее бдительно осмотрели искусствоведы в штатском, которые вежливо предупредили, что если наш пулемет хотя бы один раз «выстрелит» в сторону правительственной трибуны с мэром и Президентом, они разбомбят нафиг нашу тачанку вместе со всеми Лужниками.

Красноармейцы должны были долго стреляться и обмениваться ругательствами с белогвардейскими казаками, а затем Вовка должен был падать с тачанки и гореть. С этой целью его обрядили в толстую войлочную шинель и зарядили пиротехникой. Подготовкой трюка занимался дядя Саша Гиз. Ну то есть, Вовка, с его пиротехническим образованием, и сам знал «как надо», но уйти от авторитета папы Гиза

было невозможно. С этого и начались неприятности. Как говорил потом Вовка – батарейки были севшие и поэтому заряд не сработал.

И вот картина маслом: по полю с гиканьем несется припозднившийся казак, его настойчиво догоняет красноармеец в съезжающей буденовке, они о чем-то совещаются и разъезжаются. В это время там же бежит по летней жаре, заплетаясь в полах длинной зимней шинели, непонятный заблудившийся красноармеец с обиженным лицом. Куда и зачем – непонятно. Раздается взрыв, но наш герой почему-то не загорается. Однако – куда деваться – достает из кармана большую зажигалку и пытается себя поджечь сам. В этом ему безуспешно «помогает» соседний конник с факелом. В общем, так и выбежал из круга Вовка, не выполнив для зрителей акт самосожжения. Папа Гиз потом долго ругался, что он тут вовсе ни при чем, и что Вовка сам во всем виноват, а тот шипел: «Шоб я еще раз...да кого-нибудь послушался...» Ну а окружающие... окружающие просто в голос стонали от смеха, и до сих пор периодически вспоминают этот акт публичного самосожжения каскадера.

Сейчас Вовка сам вспоминает этот эпизод со смехом, и говорит, что такого адреналина, как на стадионе перед сотнями зрителей, больше не испытывал нигде»...

Вова как-то даже пытался поджечь Марину, чтобы и она «погорела», и хлебнула адреналину, не внимая дружному – остальных каскадеров: «Это же девочка!»

Какая же девочка – сестра! Родная душа. Так дать ей почувствовать...

А вот и Володя. Красивый, высокий, в легком смущении – доброжелательность. Он помогает загрузить в багажник сумку

– Там ничего сильно бьющегося?

Нет. Там только невыносимо благоухают копченые жерехи, купленные на Сызранском вокзале, «волжский» подарок....

Брат с сестрой живут порознь, видятся не каждый день, поэтому путь для них – повод поговорить. О чем угодно: хоть о дороге, при подъезде к Новогорску – ближний загород – вьющейся серпантинном. И Вова рассказывает, как пролетают тут газельки, «визжа пассажирами».

Им говорить, а мне – настраивать душу на встречу...

Почему-то – не смотря на всю доброту и простоту Мухтарбека Алибековича – не можешь освободиться от этой внутренней робости. Он – всегда вершина. Но будешь ли соответствовать? Не изменился ли ты сам внутренне, не стал ли хуже? Не будет ли ему с тобой тяжело, не утомишь ли?

И сыграть тут нельзя...

– Он хороший интуит, как все лошадаики, – Наташа Догадина найдет простые слова.

Но его умение почувствовать собеседника, заглянуть ему в душу... В этом он больше, чем «лошадник», здесь уже что-то свыше.

Марина как старому знакомому улыбается солдату, что дежурит при въезде на территорию учебного центра МЧС.

И нам позволяют проехать по припорошенным снегом дорожкам – до самого дома...

Вова первый захватывает сумку, и мы спускаемся – ибо вход в дом – спуск.

Широкий полутемный коридор, где помнишь каждую фотографию на стенах

И вот ...тяжелые, чуть шаркающие шаги, и глуховатый голос, приветствующий – брата с сестрой...

– А где здесь девушка Татьяна?

Девушка Татьяна притихает за Вовкиной спиной, так как в последний миг выясняется, что настроиться она все-таки не успела.

Все же, конечно мы здороваемся. Но – первый взгляд и – боль: сколько сил отняла у него эта зима! Как утомлен! Хворают?

Однако, еще раньше Кантемирова в коридоре оказывается парень, о котором – Марина:

– А это Олег. Ученик. Я его пригласила, потому что он так расслабляющее действует...

Кто видел фильм «Возвращение Странника» – тот Олега не может забыть. Всего несколько минут он в кадре – но каких! Стоит у стенда. В него метают ножи. В последний миг он легко отклоняется – уходит.

Летящий нож, его – взгляд не можешь оторвать – будто замедленные обороты в воздухе, и когда он почти у самого лица – скользящее, небрежное даже движение Олега. И нож глубоко входит в дерево на том месте, где только что была его голова.

Но не только это мастерство завораживает, но и удивительное сходство – молодой Высоцкий.

Поздоровавшись, Кантемиров возвращается к работе – ненадолго! Доделать надо!

А мы собираемся за столом в его комнате, как в кают-компании.

Здесь тоже почти ничего не изменилось.

Ткнулась носом, проверяя – кто, вспоминая – Ася. Ей сейчас не очень до нас. Щенки подрастают и уже осложняют жизнь. Ася в заботе: как хоть ненадолго сбежать из «детской»?

На полу, у кухонного закутка – корзины с овощами, банки с фасолью. Попытка запасов, но из-за многочисленных гостей они тают – так быстро!

«Расслабляющедействующий» Олег ставит чайник.

У него в запасе множество историй о Кантемирове, которые он рассказывал не раз. «Пластинки» – говорила Анна Ахматова, и спрашивала: «А я вам не ставила эту пластинку?»

Марина их – до слова знает, но тихо сидит рядом, понимая, как увлекательно все это мне.

Появившийся на миг в дверях Мухтарбек делает Олегу знак: «не распускай хвост, сынок...»

Они называют друг друга: «сынок», «отец»

– Но как вы познакомились?

– На мероприятии. То есть, я и раньше знал Кантемирова, конечно. Смотрел «Не бойся, я с тобой». А тут нас представили друг другу – и несколько минут мы говорили. Всего несколько минут. К нему же сразу подходят: одни, другие...

Прошло время – и мы опять встретились, на другом мероприятии. Ему говорят, кто я, а он узнал: «Я помню...»

С тех пор мы созванивались: как самочувствие и прочее?

Тесное сотрудничество у нас началось, когда Костя Никитенко – его ученик, уехал за границу. У Мухтарбека тогда была «черная» полоса – одно за другим: смерть брата, потеря ученика...

Он осиротел. И я попытался стать – вместо Кости.

Но когда я почувствовал, что у нас близкие отношения...

Наверное, когда появились завистники, которые говорили за глаза, что я пользуюсь его именем...

А я никогда...

Таким я отвечал: «Можете взять авторские работы Кантемирова, и продавать, и его имя уже будет связано с вами».

Они сразу замолкали.

Удивительно, но Олег не ездит на лошадях, на которых сюда приезжают кататься – даже дети.

– Отец говорит: «На лошадь я любого посажу, но где я

найду такого дурака, который под нож встанет?»

– Олег, но как ты впервые встал к стенду, и какое чувство, когда – в тебя летит нож?

– Случайно. Просто надо было кому-то, и отец спросил: «Боишься?» Костя тогда уже уехал... И я встал. Вначале «уходил», когда он только замах делал. Когда только – движение руки... А теперь – до последнего стою. Теперь я хочу нож, который в меня летит – перехватывать.

11

Олег смеется, вспоминая.

– Недавно Президент Осетии пригласил Кантемирова во Владикавказ – выступить. Позвонил:

– Мухтарбек, мы знаем, что ты – живая легенда нашего народа. Приезжай, покажи, что есть еще порох в пороховницах... Пусть молодежь увидит – кем гордиться, с кого брать пример.

– Да-да, мы приедем. Только мы с учеником приедем.

И вот – мы в Осетии. Очень хорошо нас встретили. Людей собралось! И объявляют торжественно:

– А сейчас перед вами... народный артист Осетии, член ассоциации мексиканских наездников «Чаррос», Президент гильдии каскадеров России, художественный руководитель конного театра «Каскадер», ваш земляк и живая легенда, мастер холодного оружия – Мухтарбек Кантемиров.

Все кричат:

– Браво, браво!

Отец метает ножи, топоры, рубит морковку. Потом становлюсь я – он метает ножи и топоры в меня...

И тут раздается смех из толпы. К нам уже подходит Президент со свитой, и этот смех...

Я смутился – может, что-то не так? Когда так веселятся, мало ли что можно подумать.

Позже оператор рассказал:

– Рядом со мной стоял мужчина с ребенком. Папа – огромный осетин, и мальчик – лет пяти. И когда Кантемиров в тебя метал ножи, он начал дергать отца за рукав:

– Пап! Пап! Говорили, дядя – мастер, а он в него ни разу не попал.

12

– С Мухтарбеком постоянно происходят разные случаи, причем запоминающиеся, веселые, – продолжает Олег, – Вслушайтесь в эти слова: «2006 год, двадцать шестое августа».

А двадцать пятого мне позвонил отец:

– Приезжай быстрее.

– Что случилось?

– Быстрее! – и ничего не объясняет.

Я все бросил, помчался.

Приезжаю. Смотрю, у Натальи в руках папаха, она ее начесывает, наводит красоту.

Отец говорит:

– Звонили с «Охоты и рыбалки» – ты в соревнованиях

будешь участвовать?

– А какая дистанция?

– Шесть метров.

– Отец, я ж не работаю с такой, ты знаешь. И ты не работаешь. Мы же всегда – три, пять, семь, девять...

– Ну, вообще-то настоящий мастер должен с любой...

Я видел, что для него это почему-то важно. Попробовал с этих чертовых шести метров – метать здесь, во дворе. Ни один нож как надо не втыкается.

А у отца такая грусть в глазах...

– Да ты скажи, в чем дело?

– Звонили – будет проходить чемпионат России на приз Мухтарбека Кантемирова – и просили выставить вещи, которые мне дороги. Дурак я, дурак! Выставил бурку и папаху из «Не бойся, я с тобой». Ведь уйдет – в Самару! Там – чемпион мира и пятикратный чемпион Европы, чемпион России – все собрались, – вздыхает, – Ну что ж, еще куплю...

Я еще пытаюсь понять:

– Что – очень дорого заплатили?

– Пятьсот долларов.

– К-как? Да ты что?! Это же – реликвия! Сколько ей лет – тридцать?

– Тридцать.

А Наталья стоит, продолжает начесывать папаху, которая уже – не Кантемирова, которая уже – приз.

– Будешь выступать, сынок? Вдруг – отстоим?

Но я тогда думал, что нет – не выйду. Просто поехал с отцом.

На выставке подбегает ко мне Яковлев – чемпион мира:

– Будешь выступать? Будешь?

– Ждешь, – спрашиваю – чтобы я опозорился?

Оборачиваюсь – у отца на глазах слезы.

Что мне делать? Иду к жюри.

– Можно записаться?

– И вот. – Олег торжественно, – 2006 год, двадцать шестое августа. Меня ставят двадцать шестым номером. И я... выбиваю..., – пауза – двести шестьдесят очков! Хотите верить... Но диск есть – с записью...

Я не знаю, с чем это связано, эта игра цифр. Но у других – ножи падали. А у меня – двести шестьдесят очков – я никогда столько не набирал.

Отец там начал лезгинку танцевать.

– Сынок, молодец! Бурка и папаха остались в Москве, у нас! Поехали – поляну накроем, шашлык...

– Сейчас, – говорю, – Домой смотаюсь, отвезу все...

Взял такси, держу на коленях реликвию, и первая мысль – не дай Бог, ее дома моль сожрет.

Прошу таксиста:

– Едем в хозяйственный.

Купил там мешок и нафталин – много, потому что бурка большая, самое мощное средство надо от моли. И мне дали, что ни на есть...

Дома бурку с папайкой повесил в мешок, прочитал инструкцию по применению нафталина – одна таблетка на квадратный метр.

Посчитал – раз, два, три – и три таблеточки бросил.

Но я же не знал, что это такая ядреная вещь.

После праздника я остался ночевать у отца в Новогорске.

Утром, часов в одиннадцать, подъезжаю к своему дому, а у меня дом – башня, одноподъездный, все друг друга знают.

Выхожу из машины – смотрю, народ столпился у подъезда, старушки стоят взволнованные.

И тут же, изображая дребезжащие голоса.

– А-алех?

– А, бабусеньки, здравствуйте, – чаровницы, кудесницы, ненаглядницы, изумрудницы! – они знают, что я всегда веселый такой.

– А-алех, представляи—и-ишь: наверное, с санэпидемстанции приходили, травили тут у нас – то ли тараканов, то ли клопов... Ночью спать нельзя было...

Я (с силой):

– Вот сволочи! Я бы этим гадам по морде надавал – предупредить надо, что морить будут!

– Всегда предупреждали, а тут.....

Захожу в подъезд, – пауза, потягивает носом, изображая, – Ничего себе! Вонь стоит ужасная. Иду к себе – на шестом этаже жил (мне б, дураку, хоть форточку открыть.) Поднимаюсь и начинаю понимать... кто эти козлы, дураки и иди-

оты.

Соседи слышали, что я открываю дверь:

– Олег! Ты посмотри!

Я – быстро:

– Да – от сволочи! Ах, какие сволочи!

Захожу домой – у меня глаза режет. Нафталин достаю – скорее выбросить... Зато сейчас, – торжественно, – моль в радиусе километра не подлетает к бурке и папахе – Мухтарбека Кантемирова!

13

– Я с радостью езжу с отцом в Осетию, – говорит Олег, – Когда он особенно устает, для него там – лучший отдых. Он возвращается – другим. И мне нравится эта страна.

Шутки их, юмор осетинский... Дня у нас не проходило без происшествий. Чтобы все описать – мне пришлось бы стать писателем. Но в жизни не могут все быть писателями, кто-то должен быть и каскадером.

Первый раз, когда мы приехали в Осетию, мне хотелось научиться каким-то простым словам, хотя бы уметь сказать: «Добрый день», «Доброе утро», «До свидания».

И самому приятно, и людям по душе, что ты говоришь на их языке.

– Отец, скажи, пожалуйста, как у них «Доброе утро»?

Он говорит.

Запоминаю.

И вот иду с ним по Владикавказу. Подходят две девушки –

молодые, красивые осетинки:

– Дядя Миша, здравствуйте. Вы нас помните?

– Да-да, здравствуйте... Познакомьтесь, мой ученик – Олег!

И я так уверенно здороваюсь – по-осетински:

Мухтарбек дергает меня за рукав. Девушки покраснели, смотрят то на него, то на меня.

Отец говорит:

– Девочки, извините его, он первый раз приехал – он просто неправильно выговорил букву.

– Да! – они засмеялись, поняли.

Оказывается, если букву изменить – получается не «добрый день», а «какой у вас низ».

А я откуда знал?

* * *

Отец очень уставал – нас приглашали и приглашали. Вре-
мя уже 23 часа, и – зовут в гости. Он говорит:

– Господи, я рад у всех побывать, но можно – немного отдохнуть?

А я познакомился с официанткой – она обслуживала нас в комплексе «Алгус».

Попросил ее:

– Мне хочется узнать, как здесь к русским относятся? Ты не могла бы мне показать Владикавказ, проводить по знач-
ным местам...

Она:

– Да нет проблем.

Марина не выдерживает. До сих она сидела рядом с нами молча, давая мне возможность слушать Олега, без обычной для них легкой пикировки. Но это уже...

– Нашел, что предложить порядочной осетинке – поводить его по значным местам!

– Ну – по барам, по ресторанам... И я понял, что там очень хорошее отношение к русским. На себе почувствовал. Никто не знал, кто я такой – и все равно хорошо относились.

А на следующий день мы с отцом уехали.

Вернулись на будущий год. В «Алгусе» появилась еще одна официантка – очень красивая осетинка. Я с ней познакомился. И когда был прощальный вечер, я танцевал то с этой официанткой, то с той.

А когда мы уходили – старики поднимали уже последний тост – они обе передо мной встали:

– Так у нас так не принято. Выбирай – или я или она.

Старейшины сидят и смотрят, как я выкручусь.

Какие слова найти? Только в духе их шуток:

– Девушки, девушки, подождите... Скажите, если чужак обидит осетина – он будет кровником у пол-Осетии – ведь здесь все родственники?

Они говорят:

– Да.

– А если двух осетин? Значит – кровником у всей Осетии?

– Да.

– А я... – пауза – хочу любить всю Осетию!

Марина, вкрадчиво:

– А если бы он признался, что трижды был женат к тому времени – его бы там вообще растерзали.

14

«Пластинок» у Олега в запасе – не счесть.

– В прошлом году нас пригласил двоюродный брат Кантемирова – Георгий, большой военный чин. Он плохо себя чувствовал, лежал дома, ему ставили капельницы.

И отец сказал:

– Поедем, в Осетию, отдохнем. И проведем брата.

Во Владикавказе мы попали на праздник – конец урожая. Все приглашают друг друга к себе домой. У них обычай: друзей ли, родственников – но ты обязательно должен позвать кого-то, и стол накрыть – чем щедрее, тем лучше. Поблагодарить Бога, природу, поделиться радостью урожая

Мы приехали к Георгию с утра и долго сидели у его кровати.

Он рассказывал разные истории, вспоминал войну. Но он плохо себя чувствовал – и уже закрывал глаза.

Отец говорит:

– Георгий, мы, наверное, пойдем – нам пора. Удачи тебе, здоровья...

– Мишка, не обижай меня... Ты что, даже чаю не попьешь?

– Нет-нет, Георгий, чайку мы попьем у тебя.

– И вот теперь, – говорит Олег, – я знаю, что такое «чай» в Осетии.

Мы заходим на кухню – а там кухня – больше, чем эта комната. О-от такой стол – метров четыре-пять длиной. Стоят тарелки – о-от такие у каждого – картошка навалена, мясо.

– Отец – это что?! Это – чай?!

– Ты садись. Иначе – кровная месть. Отсюда не выйдем.

И я сел.

Я не знаю, как все это съел, но было очень вкусно. Барашек молодой...

– Чуть позже в тот же день племянник Боря Кантемиров говорит:

– Едем в Беслан, приглашают на праздник, на чай...

Я – Мухтарбеку:

– Отец...

– Не-не-не, сынок, ты это самое... Там быстро... Буквально: сели-встали и ушли.

Приехали мы туда вечером. Заходим в комнату...

Олег выдерживает паузу, и – тихим голосом.

– Комната в два раза больше, чем та была. Стол длиннее – метров десять.

И там уже не у каждого гостя стояли тарелки.

Там посередине стола стояли огромные подносы с овощами, с барашками, с картошкой.

Это были такие горы, что если смотреть на Осетию с самолета – она так выглядит.

– Отец, – умирающим голосом вопрошает Олег, изображая прошлогоднее, – это – «чай»?

– Молчи! Если не хочешь кровником стать – молчи!

– И я – продолжает он, – сажусь за этот стол.

Хоть и было тяжело, но я... ел. Мне – то с одной стороны, то – с другой, то через стол подкладывали. Я еле встал.

Там ведь столько традиций и обычаев! После того, как старейшины поднялись из-за стола – можно всем выходить.

Одеваюсь, скорее на улицу, облокотился о ворота – и стою, пытаюсь отдышаться.

Время уже час ночи – звезды над головой... Чувствую – чья-то рука ложится на плечо.

Поворачиваюсь – Алан, который был тамадой.

– Олежка, слушай, ты нам всем понравился. Давай ко мне зайдем... чайку попьем.

– Мне было уже все равно – голос Олега бесцветен, – Кровная месть или как... Хотелось всем угодить, но больше всего – остаться живым.

Говорю:

– Алан, чтобы пойти к тебе, мне надо предупредить отца.

– Давай.

Захожу в дом, и отец сразу заметил:

– Что-то случилось? Ты какой-то...

– Нет, я просто дверь за собой закрыл.

И вот мы сидим, ждем, пока женщины уберут со стола. У них обычай – женщины не садятся за стол.

К слову, когда мне исполнилось 20 лет – я на бывшем Советском Союзе «крест поставил». Объездил вдоль и поперек нашу великую страну.

Но столько традиций, сколько я увидел в Осетии – нигде больше нет. Причем это добрые традиции, приятные. Из этого источника хочется черпать и черпать.

Кантемиров, когда приезжает в гости – старается обязательно три тоста поднять – за святого Георгия, за родителей и за событие. Он это чтит.

Но я хочу закончить случай по поводу чая.

Когда женщины убрали со стола – пора было идти. Открываю дверь и выпускаю Мухтарбека:

– Отец, выходи... Старших надо вперед – пожалуйста.

Я же видел в окно: Алан так и ходит у ворот, как часовой, меня ждет. И уже заранее знал – отец скажет:

– Ну что, Аланчик, нам пора ехать.

Лишь бы Алан не опередил и не пригласил пить чай.

И вот он – этот жест прощания:

– Аланчик, дорогой, нам пора...

Я спешу:

– Ох, Алан, какая жалость, что я к тебе не могу зайти на чаек!

Отец оборачивается:

– Ах ты, собачий потрох! Не знал, что тебя Алан пригласил – еще бы тут остался.

Но пережить третий стол....

Я бы не пережил.

15

– Я всегда езжу с отцом. Не пью, не курю уже шестой год, благодаря Кантемирову... Для меня нет человека ближе.

– Но Олег, почему тогда люди уходят отсюда? Самые верные, ученики... Тот же Костя Никитенко...

– Не знаю почему Костя... Я не собираюсь уходить отсюда ни под каким видом. До тех пор...

Марина (шепотом)

– Пока не вынесут.

Олег смотрит на нее, и, кажется, готов показать ей исподтишка кулак.

– Пока жив Мухтарбек Кантемиров. Пока не выучусь тому, что умеет он.

То есть – никогда. Для этого мне не хватит жизни. И если бы я куда-то уехал, отчитался бы перед тремя людьми: перед мамой, Кантемировым и дочерью.

Костя был – сильный. И духом, и вообще сильный. Почему у него не хватило смелости сказать, что он выбрал другое, что он уезжает? Он был не просто артист, но – как часть души «Каскадера». В самые тяжелые времена здесь: приходишь, а он есть.

Теперь пошел дальше, вырос... Но когда Мухтарбек потерял родителей, потом брата... Отъезд Кости был вроде этого.

Я так не смогу – уйти. У меня отца никогда не было. Мухтарбек мне вправду – как отец.

Я не говорю о его регалиях. Человек, который несет такой потенциал – добра, знаний... Это и другим дает право быть с ним.

16

В комнату заглядывает Мухтарбек:

– Не хотите посмотреть – Наташа детский сад выпустила? Какие они – а-бал-деть. Маленькие, а с таким интеллектом! Черти! У каждого характер разный. Личности! Куколки!

Детский сад – это щенки Аси. В этот раз она родила их тяжело, пришлось делать операцию.

И Мухтарбек натерпелся.

– Мне сказали – уже можно. И я как дурачок зашел. А она лежит, распростертая, без сознания – Боже мой...

Теперь в «спортзале» отгорожена «детская». Расползлись, и пытаются удержаться на непослушных лапах шесть щенят цвета вороненого оружия. Шерстка уже отливает сталью. Голубоватые детские глаза. И пристальный бесстрашный интерес к нам – новым людям. Будущие телохранители!

Но для Аси щенки уже – бремя. Она устала от них. И спешит выйти из «детской», наступив при этом малышу на лапу. Тот взвизгивает отчаянно.

Мухтарбек спешит на помощь. И не знает, кого звать:

– Асенька! Натулечка!

– Коровище, – мрачно говорит Наташа, подхватывая пострадавшего щенка, прижимая его к груди – Первый раз вижу такую дуру, чтобы на собственного ребенка...

Мухтарбек возвращается к рабочему месту. И так же как в том, прошлогоднем августе мягко светит маленькая лампа. Пахнет кожей...

Немного поодаль – установлен стенд. Позже, когда потеплеет, его вынесут на улицу.

– Смотри, – Олег подходит с веером ножей в руках. – Они разной длины, разного веса. Это я к тому, что если умеешь метать – втыкается все.

– Зверь, страшный зверь!, – соглашается Мухтарбек – и Асе, – Солнышко, не ходи туда, там страшный мужик стоит...

Олег метает ножи – с разворота, с трех метров, из-за спины, снизу, играющим движением. Работает он безошибочно. Короткий, тонкий свист полета – и нож входит в стенд. Лишь раз, когда – один в один, как у Робина Гуда: стрела в стрелу – легкий звон, и нож лежит на полу.

– Все, чем занимается Кантемиров, – говорит Олег, – я понял, это – для успокоения души. С кожей работа. Метание... Если люди что-нибудь метают – диски, ядра...

– Икру..., – вставляет Мухтарбек.

– Это уходит из них лишняя сила, энергия...

– Это – чтобы я на него не ругался, это – подхалимаж.

– Иглы тоже можно метать. Они входят на сантиметр, как ножи. Ими можно метать во врага. В дерево втыкаются! А тело – как сливочное масло.

Марина пробегает мимо – сполоснуть чашки. В черных

блузочке и юбке она почти бесплотна:

– Все равно рядом вертишься – иди, встань у стенда, – говорит Олег, – Только в профиль. В профиль в тебя попасть будет легче.

Ее худоба вошла здесь в поговорку.

Марина еще не успевает далеко отойти, когда метает Вова.

И промахивается.

– Создайте семейный дуэт, – приходит Олегу идея, – Уникальное выступление.

Намек, что в роли «живой мишени» у брата – недолго заживется Марина на этом свете.

Вова невысоко подбрасывает нож, гладит блестящее лезвие.

– Когда берешь пистолет, – задумчиво говорит он, – понимаешь, его придумали: чтобы уничтожить себе подобных. А с ножом, с холодным оружием – этого чувства нет, это другая история...

– Гляди, – ножи вновь в руках Олега, – Я метая с трех метров – за рукоятку, за лезвие. Успех зависит от тренировок и мышечной памяти – только это. И еще...

Мухтарбек:

– У кого терпенья больше.

Они с полуслова понимают друг друга:

– В пятьдесят четвертом или в пятьдесят пятом году, отец, – начинает Олег

– В пятьдесят четвертом...

– Были в цирке муж с женой. Много лет выступали вместе. И на одном из представлений – случайность – он ее убил. После этого «Союзгосцирк» запретил выходить с ножами. Единственный человек, который воскресил все это, которому разрешили: Кантемиров.

После «Не бойся, я с тобой».

Вспоминают популярную программу «Цирк со звездами», для которой Олег учил метать Евгения Стычкина, а потом выступал с ним.

– У нас было буквально семь дней. Я сказал Жене: «Если ты хочешь получить самую высокую оценку – метай в человека, в меня».

– Он начал отказываться, – Олег посылает в цель еще один нож. И после короткой паузы продолжает:

– Я ему говорю: «Женя, попробуй – встань к стенду сам. Только так победишь страх».

И он встал. Я метал ножи в него.

После он просил:

– Как это здорово! Какое ощущение – адреналин! Еще!

Я почувствовал, что у него уже появилась уверенность в себе.

– Теперь будешь метать – ты.

И у нас получилось. Только во время финала я увидел, что последний нож – идет мне в плечо. И успел увернуться.

– Как раз мы сидели в зале, – вставляет Мухтарбек.

– Там торжественно представляли людей, многих из ко-

торых я не знал. Говорили: «На представление пришел та-кой-то!»

Тот вставал – все ему аплодировали...

А человека, который всю жизнь посвятил цирку, ведь Кантемиров – живая легенда... о нем ничего не сказали.

И после того, как нас «зарубили» – хотя Стычкин в меня метал уже не только ножи, но и топоры... Просто не хотели, чтобы мы дальше работали – в финале. Ведь номер вправду опасный, а времени на подготовку почти не было....

– Два нахала было, – Мухтарбек.

– После этого я Стычкину сказал на ухо: «Там, среди зрителей сидит Мухтарбек Кантемиров. Пойдем, и цветы, которые нам подарили – подарим ему. Поблагодарим его. Пятьдесят с лишним лет прошло, и люди вновь увидели в цирке этот номер».

Евгений спрашивает:

– Где он?

И мы с букетами цветов пошли не на камеры – а к зрителям.

– Не ожидал никто. Даже я сам... – говорит Мухтарбек

– Отдали цветы, поблагодарили... Аплодисменты какие были!

– Еще обнимались со мной, черти!

– Стычкин молодец. Мне с ним работать было легко. Хотя Женя очень резко метал ножи. Очень. Кантемиров метает плавно, и видно, как они летят. Я понял, по метанию ножа

можно определить характер человека – вспыльчивый он или спокойный, уравновешенный.

Со временем я начал понимать смысл жизни – благодаря Кантемирову.

Говорю ему: «Не надо совать мне деньги за стенд! Не надо трясти своей пенсией! Чему ты меня научил – мне с тобой за всю жизнь не рассчитаться».

Олег вспоминает и последнее выступление. Он изображал певицу Катю Лель. Парик, костюм, накладная грудь...

– А публика – молодежь одна. И на нас смотрят – что за два старых пердуна? Отец обернулся, хотел этим парням что-то сказать, но не стал... Только мне: «Олег, покажем им старых пердунов?»

Когда он метал в меня – чуть-чуть не учел бюст. И нож скользнул по груди.

– Прости, Катенька..., – сказал он.

Мы уходили – гром стоял! Такие аплодисменты!

Трюк – это ведь не просто: сделал и все. Если зашевелилось что-то внутри, затронуло душу – значит, трюк получился.

17

«Чай» здесь не подразумевает ломящегося стола, как в Осетии. Иное: возможность сесть вместе за стол и говорить...

Ребята снова включают чайник. Мухтарбек еще занят в мастерской.

– Бывают выставки очень хорошие – его работы идут «на ура», – говорит Олег, – Вот это, – он поднимает сумку, – разве не произведение искусства? Ларец Марии Медичи.

На его пальцах покачивается за длинный ремешок – со-творенная из кожи, изукрашенная узорами чеканки, срабо-танная на совесть – каждая пряжка надежна, каждый шов – дамская сумочка, действительно напоминающая ларец.

– Все привыкли к тому, что отец выступает почти беспла-тно, – продолжает Олег, – Зарабатывают галочки, деньги – на том, что пригласили Кантемирова. Сколько можно? Че-ловек не молодой...

– Врешь, врешь, молодой! – весело – Мухтарбек, загля-нувший в это время на кухню.

– И тут появляется мерзкий Олег, который говорит орга-низаторам:

– Это, в исполнении Кантемирова, стоит столько-то, а это столько-то...

– Да откуда ты взялся?! – у них уже зло.

Когда я пришел, отцу платили за мероприятия по 150—200 долларов. А я знаю, какой ценой ему обходится каждое выступление – после переломов, после всех его травм. Как ему делают уколы один за другим, чтобы боль стала терпи-мой...

И я поднимаю цену до предела, чтобы отпала большая часть выступлений, чтобы ушли все, кто им не дорожит.

– Для сравнения, сейчас проскачка на лошади стоит уже

около ста долларов, – говорит Марина, – И уникальный номер в исполнении народного артиста... Есть люди, которым все удобно-с.

– Я просто знаю ему цену. Говорю: «Не я назначаю. Эту цену ты заработал своей жизнью.

18

Приезжает, наконец, Анатолий Васильевич Клименко. Как и в прошлый раз, он начинает рассказывать сразу, легко сходясь с собеседником. Он переполнен веселыми историями, сыпет ими как Дед Мороз – подарками из мешка...

Мы забываем о чае. Ясно, что все это прелюдия, что главный разговор будет о театре

– Мы – грань между драмтеатром, цирком, спортом и другими зрелищами. Нам удалось объединить это в интересную форму...., – говорит Клименко

И сам же веселится над патетичностью фразы:

– «Сохранение и развитие театрализованного представления» ...Это я когда Юрию Михайловичу Лужкову писал письмо – применял такие слова.

– Знаешь, как это происходило? – спрашивает Марина, – Приходит Васильич в офис:

– Так... ну что, кофе попили, надо работать. Что будем делать?

Я предлагаю:

– Давайте письмо кому-нибудь напишем... В администрацию Президента...

– Нет, – говорит он, – Это слишком серьезно. Напишем... типа... министру культуры. Только слова надо пострашнее придумать.

И вот мы с ним сидим и извращаемся над этими формулировками.

– Они сами бюрократы и они требовали на этом же языке...

Но истории переполняют Васильича:

– Когда мы были на гастролях в Болгарии, в 96-м году – там как раз отмечали – 300-летие русского флота. И юбилей победы над турками.

В тот день принимали наш флагманский крейсер. И адмирала Кравченко со свитой.

А мы оказались в центре событий, потому что спектакль свой – «Серебряную подкову» переделали в актуальную постановку – «брали в плен» турецкий флагман с пашой.

Переодели казаков в морскую форму, кое-что поменяли местами...

И вот – начинается спектакль. Среди зрителей – министр обороны, члены правительства, губернатор, все руководство и, конечно – адмирал Кравченко.

А в «Подкове» по сценарию выезжает цыганский фаэтон, и везет его Рома – советский тяжеловоз. Тонну триста весит, красоты невероятной – последний из могикан, вороно-чалый... Была историческая постановка, звучали напевы, катил фаэтон...

Теперь же под эту музыку у нас теперь выходили турецкие моряки. А Рома был «заряжен» наследующую сцену.

И Дима Гизгизов, каскадер, который управлял фаэтоном – побежал переодеваться в другой костюм – раздевалка там в нескольких метрах.

Но Рома слышит – что? Музыка? Музыка его, он под нее уже спектаклей пятьдесят отработал. Значит – пора.

Рома смотрит вокруг – никого нет.

– Ага, – думает, – проспали. Но я-то здесь...

Развернулся и поехал.

Когда он выезжал, Димка увидел, что это... понеслось. Он выскочил, но как... троллейбус не остановишь же...

Заорать: «Рома, стой!» – вот и все, что можно сделать.

А ребята работают на сцене и знают, что никаких лошадей-монстров быть не должно.

И вдруг – летит Рома. На хорошей такой скорости.

«Турки» кто – падает, кто – врассыпную.

Рома видит – что-то не то. Надо, наверное, порезвее?

Несется. Один круг сделал – по действию. И смотрит – его никто не останавливает – на арене никого.

Ромка заволновался, еще приутопил.

Думает:

– Надо еще пару кругов и завязывать с этим делом.

Такая махина и она галопом...

Я стою среди официальных лиц и размышляю – а все так хорошо начиналось! Чинно, благородно, красиво. В автори-

тете мы были. А сейчас как снесет Рома «Конный пикник» на хрен...

По спине у меня холодной струйкой потек пот.

– Там не только пот тек, – подсказывает Вовка.

– Но я играю до последнего – вроде это вполне обычное дело.

Командующий Кравченко говорит:

– Впечатляет.

– А то! – говорю я.

– Одна лошадь запряжена и ни кучера, ни всадника. Смотрите, какого шороху наделал...

Я спокойно так бросаю:

– Радиоуправляемый.

Командующий Кравченко говорит своему заму:

– Видал! У каскадеров даже лошади радиоуправляемые. Учитесь. Не то что ваши корабли – на последних маневрах.

И тут Ромка как услышал про «управляемого» – притормозил, за сцену спокойно выехал и встал на свое место.

– В общем, за это мероприятие – мы ботик Петра Первого из фарфора дулёвского получили. Красивый такой парусник – подытоживает Клименко.

– Васильич потом Роме спасибо сказал – мол, молодец, дорогой, выступил хорошо, – это Вова.

Марина уточняет:

– Он ему спасибо потом, зимой сказал. Когда Рома его машину чуть не раздавил.

– Не мою!

– Он хотел – вашу. Но вы так заорали, что он испугался и упал на Надькину.

– Он не упал – присел.

– Прилег!

– Могу представить, какая там вмятина была.

– И какие слова сказала Надя, культурная женщина, когда увидела эту вмятину!

Надя Хлебникова, артистка театра «Каскадер» – позже переехала жить за границу.

– То есть все, кто уезжают в Швейцарию – уехали из-за Ромы. Березовский тоже.

– Рома молодец – говорит Клименко, – У него предок был бельгийской группы, они вороные, огромные... Ромины родители – чемпионы породы. Когда мы Ромку привезли на выставку – рядом с ним померкли даже ахалтекинцы. За него такие деньги предлагали! Иностранцы, финны. Но мы... чтобы с ним расстаться... Сами голодные были, а Ромка у нас всегда сытый ходил.

– Да он мог великий поволжский голод пережить одними своими запасами только! – это Марина.

– В последние годы он уже был на заслуженном отдыхе. Мы передали его на конезавод и он произвел там...

– Кабана, – вставляет Марина, – Ребеночек... скоро под тонну.

– Если сравнивать с другими породами, тяжеловозы – ту-

говатые ребята. А Ромка поддавался дрессуре, как умная собачка.

– Особенно хорошо у него получалось кусаться и наступать на ноги. Это он умел в совершенстве.

– А обмануть известного артиста Сергея Базина и сбежать из денника! – подхватывает Вовка, – Это он тоже мастерски умел. Ловить и останавливать бесполезно. Только договориться можно: «Ну, друг, давай...» – И Рома соглашается: «Ладно, фиг с тобой, давай остановимся».

19

– Так о ком вы хотите писать? – спрашивает Клименко: – О театре или о Мухтарбеке? Дело в том, что «Каскадер» и Мухтарбек – вещи неразделимые. Но условия нашей жизни...

Французы сумели обеспечить свой конный театр «Зингаро» хорошей базой. Ему под Версалем отдали конюшни... Под Версалем! Французы ценят то, что у них есть хорошего.

А мы, русские, когда что-то потеряем безвозвратно – долго потом сокрушаемся.

Это наш менталитет. Можем потрогать – не ценим, лишились – страдаем.

Когда в восемьдесят шестом году вышло постановление Совмина о внедрении хозрасчета...

Я всегда думал – какой идиот это придумал? То, что свергло нас в пучину ненужных мытарств... Кому пришла идея лишить Россию тех больших проектов, которые требо-

вали значительной поддержки от государства? Очень много коллективов были загублены в первые десять «хозрасчетных» лет – совпавших с развалом Советского Союза Рухнула империя, по закону физики придавив тех, кто не смог – как мыши – разбежаться, пристроиться в теплые места...

Наш конный театр был создан при Госкомспорте СССР, при поддержке Министерства Культуры в 1987 году.

Финансировались: постановки, заработная плата, шла дотация на корма. Задача наша была – пропагандировать именно советское искусство: театр, кино – батальные сцены, конный спорт.

И это получилось! Мало кому удастся на ровном месте создать творческий коллектив и через год уже выехать с зарубежными гастролями. А мы уехали в Болгарию и имели там большой успех.

Но рухнул СССР, и предприятия союзного значения приказали долго жить. Мы обошли все инстанции, чтобы кто-то разъяснил – что нам делать, куда деваться? В СССР не было частного коневодства. Как нам – элементарно Ватсон – кормить коней в Москве?

Лошади у нас считались государственными, выданы были по накладной Госкомспорта СССР. Мы не могли их ни продать, ни отдать.

Ощущение было, что баржу оторвало от причала – и она поплыла в открытое море – не зная, сколько ей находиться в этой стихии. День? Год? Пять лет? А ведь каждому артисту

надо жить, у каждого – семья, свои проблемы.

И еще одно нас объединяло: как прокормить сорок лошадей?

Вот с чего начинался второй этап существования конного театра «Каскадер». Отсчет шел с того времени, как империя приказала долго жить.

Первый этап – новые постановки, репетиции, спектакли – был светлым, восторженным... Я видел, что отношусь к делу, которое радует людей – это давало силы...

А когда в 89-м мы работали в Германии – к нам приехали из Франции!

Должен был вот-вот открыться Пятый фестиваль нетрадиционных театров в Гренобле.

Нас приглашали туда с радостью, мы уже зарекомендовали себя!

И в это время руководитель «Каскадера» сбежал с деньгами, которые заработал театр. Это была... не ложка, а хороший ушат дегтя. На фоне всех творческих успехов – нас так кинули!

«Каскадер» российские власти решили отозвать домой. Если руководитель сбежал, и денег нету – это же международный скандал.

И тогда я достал контракт на зарубежные гастроли. Взял его у Игоря Бобриня, который возглавлял театр ледовых миниатюр.

Контракт был подготовлен по всем правилам, подробно

разработан каждый пункт, так что я без задней мысли принял его как образец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.